

Юрий Ерошкин

**Неразгаданная
тайна Эдвина
Друда**

Юрий Ерошкин

**Неразгаданная
тайна Эдвина Друда**

«Автор»

2026

Ерошкин Ю.

Неразгаданная тайна Эдвина Друда / Ю. Ерошкин — «Автор»,
2026

Незаконченный роман Чарльза Диккенса "Тайна Эдвина Друда" породил массу догадок, как и чем он должен быть завершиться. Исследователи этого романа при разных подходах, сходились в одном: убийцей Друда был его дядя Джон Джаспер. И приводили якобы неопровержимые факты. А вот следователь московской прокуратуры Игорь Анисимов, рассмотрев эти факты, приходит к иным выводам. Улики, на которые ссылались исследователи, не показались ему столь убедительными да и сама загадка смерти Эдвина Друда, не представляет неразрешимую загадку, как хвастался Диккенс...

© Ерошкин Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Ерошкин

Неразгаданная тайна Эдвина Друда

Неразгаданная тайна Эдвина Друда

1

Нередко бывает так, что дети, вырастая и задумываясь над тем, какую профессию выбрать, идут по стопам родителей, тем самым, продолжая ту или иную династию. Я в этом плане стал исключением. Меня никогда не прельщало стать врачом, как отец, или сделаться школьным учителем, как матушка. Я буду сыщиком, дал я себе слово, как только закрыл книгу о приключениях Шерлока Холмса. А виртуозные расследования, проведённые комиссаром Мэгре, Эркюлем Пуаро или же Огюстом Дюпеном только укрепили во мне желание быть похожим на них.

А ещё я прочёл, правда, уже в юношеском возрасте незаконченный по причине смерти автора роман «Тайна Эдвина Друда» Чарльза Диккенса. Наверно назвать этот роман детективом вряд ли можно, но загадка в нём была, а значит, вызвала во мне жгучий интерес. Исследователи творчества Диккенса, и в частности этого романа, всё разложили по полочкам и тайны, как таковой вроде бы и не стало. Особенно убедителен, как мне казалось тогда, был некий Дж. Каминг Уолтерс, написавший крепкую работу под названием «Ключи к роману Диккенса «Тайна Эдвина Друда». В этом обширном труде был чётко обозначен мотив преступления, способ его совершения и назван главный подозреваемый, совершивший убийство.

Я, помнится, в общем, согласился с выводами Уолтерса, и вдаваться в подробности не стал, не было времени: со дня на день я должен был явиться на призывной пункт, а там – «для тебя родная есть почта полевая». Замечу впрочем, что лёгкое неудовлетворение от выводов исследователя у меня всё-таки осталось, что-то смущало меня в этом гладком и вполне, казалось бы, убедительном объяснении. Но, повторяю, времени вновь вчитываться в страницы романа, у меня не оставалось. Я отложил это дело на потом, решив, что вот отслужу, как надо, вернусь и непременно перечитаю роман, спокойно и вдумчиво. Тогда и пойму наверняка причину этого своего нынешнего неудовлетворения. И как я понял уже многим позже, правильно сделал. Необходим был хоть минимальный опыт следственной работы, чтобы разобраться в тайне Эдвина Друда.

Но после армии я был озабочен поступлением в университет, потом меня закрутили лихие студенческие годы, когда было отнюдь не до чтения художественной литературы. Затем последовала скоропалительная женитьба, затем меня захватила работа. И всё это заставило меня надолго забыть о том, что я хотел когда-то самостоятельно разобраться в тайне Эдвина Друда. Надолго забыл, надо признаться, но не навсегда...

Однако всё это было потом, многим позже. А пока я объявил родителям, что хочу стать сыщиком. Это их не обрадовало, но и не огорчило.

– Юрист – хорошая профессия, – одобрила мама, при этом категорически не приняв моё желание стать именно сыщиком. Для этого, сказала она, высшее образование не требуется. Отец с ней согласился и добавил, что если я чувствую что это – моё, значит, так тому и быть. И после армии я поступил на подготовительное отделение университета как раз в тот год, когда отгремела Московская Олимпиада и наш ласковый Миша, помахивая лапой, улетел в вечернее московское небо.

Уже к концу четвёртого курса я знал, что буду распределён в районную прокуратуру. Но вдруг однажды начальник курса попросил меня зайти в учебную часть, где меня поджидал некий подполковник Чумаков, мужчина с лицом, будто бы из камня вырубленным и острым

зорким взглядом. Он предложил мне распределение в военную прокуратуру. При прочих равных условиях за звёзды на погонах там платили больше, чем за такие же звёзды в прокурорских петлицах. И я согласился. Однако проработал я там недолго. Подать рапорт на увольнение заставил меня следующий случай, поставивший крест на моей карьере военного прокурора, о чём я, впрочем, никогда не пожалел.

2

В общем-то, ничего неожиданного не произошло, такое уже не раз встречалось. Из воинской части, дислоцировавшейся в ближайшем Подмоскowie, сбежал солдат.

Побег обнаружили только на утреннем построении и тотчас же бросились проверять оружейную комнату. К счастью, все автоматы и боеприпасы оказались на месте.

Затем тщательно обследовали территорию части, самые дальние уголки её. Лишь после этого организовали преследование беглеца «по горячим следам». Правда, насколько следы эти были «горячи» никто не знал. Дознавателю части, старшему лейтенанту Тройнину, даже приблизительно не удалось установить время, когда солдат сбежал.

Лес, плотным кольцом окружавший воинскую часть, прочесали, но тоже безрезультатно. Сразу за лесом проходила автомобильная трасса. Поди, угадай, водитель, какой из машин подобрал сбежавшего солдата, и в какую сторону увез? А километрах в семи от трассы была железнодорожная станция. И если сбежавший рядовой Акимочкин успел сесть на поезд...

Расчет на то, что беглец рано или поздно объявится дома, – в небольшой деревеньке, что в Тамбовской области, – не оправдывался. Оперативники, безрезультатно просидев в засаде несколько суток, плюнули и сняли наблюдение, строго предупредив насмерть перепуганную мать беглеца: если вдруг объявится – немедленно сообщить или хуже будет!

Однако солдат как в воду канул.

Тройнин отобрал у сослуживцев сбежавшего Акимочкина письменные объяснения, где, кто и когда видел и говорил с «бегунком» в последний раз, и передал собранные материалы командиру части подполковнику Лабе. Тот внимательно прочёл их, кое-что вычеркнул, кое-что заставил переписать так, как считал нужным.

И вдруг на двенадцатые сутки Акимочкин объявился сам...

Похудевший, оборванный, он стоял перед командиром части, понуро опустив голову, и молчал. Ни Лабе, ни Тройнину, ни кому-либо другому из командиров так и не удалось добиться у него ответа: почему он сбежал и где был всё это время?

Разозленный упрямством солдата подполковник в сердцах пообещал упечь парня в дисциплинарную воинскую часть годика на три. Но даже эта нешуточная угроза не возымела того действия, на которое рассчитывал подполковник Лаба, парень продолжал упорно отмалчиваться.

– Ненормальный, я ж говорил – ненормальный! – разводил руками командир части, как бы подтверждая ранее поставленный им же диагноз. – Ну, пусть с ним прокуратура разбирается!

3

Было солнечное утро начала июля. Предъявив удостоверение, я миновал КПП и ступил на территорию воинской части. Сразу за КПП шла широкая асфальтированная дорога, которая метров через пятьдесят раздваивалась. Правая вела к казармам, левая – к штабу части; я взял левее.

Штаб располагался в небольшом двухэтажном строении, возведенном еще в середине девятнадцатого века. В то время эти земли принадлежали какому-то видному царедворцу, построившему здесь свою усадьбу. Фамилию его история потомкам не сохранила, как, впро-

чем, и саму усадьбу, за исключением так называемого «домика для гостей», где теперь и помещался штаб.

По обеим сторонам дороги росли аккуратно постриженные кустики. Перед самым зданием штаба на небольшом пятачке была разбита клумба с красными, синими, желтыми и голубыми цветами. Дежурным по штабу оказался мой старый знакомый сержант Валетов, подхалим и стукач, любимец командира части. Ещё издали, заметив меня Валетов выбежал мне навстречу.

– Здравия желаю, товарищ следователь! – козырнул он и заискивающе улыбнулся. – Товарищ подполковник отъехал ненадолго, сказал, чтобы вы подождали в его кабинете, – улыбка не сходила со смуглого лица сержанта с хитрыми, чуть раскосыми черными глазами.

Сопровождаемый улыбающимся Валетовым, я вошел в прохладное, слегка пахнувшее краской – недавно был закончен ремонт, – помещение штаба, и стал подниматься на второй этаж.

– Какие распоряжения будут? – спросил Валетов, открывая передо мной двери кабинета подполковника.

– Пока никаких.

Кабинет представлял собой просторную, почти квадратную комнату с одним окном и балконом, на который вела узкая дверь. Мебели было не много, массивный письменный стол, несгораемый шкаф, «стенка» темно-коричневого цвета, старенький холодильник «ЗИЛ», вешалка на трёх ногах и полдюжины стульев, застывших ровной шеренгой вдоль стены, словно солдаты при команде «смирно!».

Я поставил на один из стульев портфель, ослабил узел галстука и, протиснувшись сквозь узкие двери, вышел на балкон. Перед глазами моими открылся чудесный вид. Узкая тропинка, змеившаяся между кустами барбариса, метров через двадцать упиралась в небольшой пруд. По краям пруда, точно воткнутые шпаги, стояли высокие камыши, а почти зеркальную гладь его украшали белые, очень похожие на кувшинки, цветы. Сразу за прудом начинался величественный сосновый бор.

Я перевел взгляд на находившуюся почти под самым балконом клумбу, возле которой пёс по кличке Ушастик усердно трудился над косточкой. Шерсть на спине пса кое-где всё ещё была ядовито-зелёного цвета, и я невольно улыбнулся, вспомнив связанную с этим забавную историю...

Месяца три назад какой-то шутник, – кто, так выяснить и не удалось, – вывел масляной краской на спине у бедной собаки фамилию командира части. Непонятно, каким образом удалось неизвестному художнику уговорить весьма строптивое животное терпеливо снести это издевательство, но факт остается фактом: пёс стал «однофамильцем» подполковника. Лабе это, естественно, не понравилось, и на утренней поверке личного состава он отдал приказание:

– Собаку поймать и закрасить!

Но то ли Ушастик оказался таким уж проворным и сметливым псом, то ли отряжённые для этого мероприятия солдаты не проявляли должного рвения, так или иначе собаку долго не могли изловить.

Недовольный нерасторопностью солдат, подполковник переложил ответственность за поимку животного на плечи своих офицеров. И вскоре один из них, лейтенант Ноздрихин, к огромному разочарованию солдатской братии, поймал-таки бедного Ушастика. И без вины виноватый пёс подвергся ещё более унижительной процедуре: его безжалостно остригли, оголив чуть ли не полспины. Ушастик сопротивлялся изо всех своих невеликих силенок, даже исхитрился тяпнуть за палец старшину Батько, но вырваться из крепких рук человека так и не смог. После столь болезненной экзекуции пёс полночи жалобно выл, а на утро убежал куда-то и целую неделю не появлялся на территории части. Но потом, видимо, простив людям их

жестокость, всё же вернулся к родным пенатам, похудевший, ободранный. Однако ещё долго не подпускал он к себе людей, грозно рыча при их приближении...

Наверно, подполковник был ещё у КПП, когда я услышал его зычный, раздавшийся на всю округу голос, а спустя пару минут увидел и его самого, шедшего по направлению к штабу вместе с лейтенантом Ноздрихиным.

Офицеры, оживлённо разговаривая, направились к входу, где их уже поджидал, склонившись в полупоклоне и сладко улыбаясь, сержант Валетов.

– Да что ты мне мозги крутишь! – недовольно выговаривал Ноздрихину подполковник. – Повторяю: из твоей роты они были, из твоей! Уж за три-то месяца они мне приелись в глазах!

– Да не мои это, товарищ подполковник, не мои! – возразил, не слишком, впрочем, уверенно, лейтенант.

– Я что, врать тебе буду? Я всё ж подполковник! – с некоторым удивлением возразил Лаба и тотчас, увидев меня на балконе, расплылся в улыбке и загремел: – Игорю Николаевичу!

Уже через минуту он тряс мне руку и смотрел таким взглядом, словно ему было очень приятен мой визит в часть.

– Давненько, давненько не заглядывали к нам, – говорил Лаба, отирая большим клетчатым платком вспотевшую голову, шею. – В отпуске были, слышал?

– Был.

– А я вот всё никак, – он подошёл к стоявшему в углу кабинета холодильнику и достал бутылку минеральной. Разлив по стаканам шипевшую и пузырившуюся воду, он уселся за массивный письменный стол; я сел напротив него.

– Жара-то, а? Совсем доконала, проклятая! – подполковник залпом осушил стакан, с удовольствием отрыгнул и засмеялся. – Не слышно, когда попрохладнее-то будет?

– На этой неделе всё так же останется, – ответил я, маленькими глотками отпивая «колючую» воду.

Некоторое время мы молча, улыбаясь, смотрели друг на друга, точно не могли нарадоваться встрече. Однако радость эта была кажущейся. За лучезарной улыбкой подполковника, я уверен был, пряталось лёгкое беспокойство оттого, что дело Акимочкина поручили вести именно мне. Слишком уж в глазах подполковника, дотошный следователь я был! Как крот буду рыть, рыть и рыть. И – нарою! Тем более что это не так уж и сложно. А именно теперь это было бы совсем некстати. Подполковнику вот-вот должна была «упасть на погоны» очередная звездочка. Нет, она никуда, конечно, не денется, просто я своим расследованием могу отсрочить этот приятный для Лабы миг.

Я по опыту знал, что побег молодого, только принявшего присягу солдата, скорее всего, связан с так называемыми «неуставными отношениями» между военнослужащими, а попросту – с дедовщиной, процветавшей в части подполковника Лабы, да и не только в ней. Новостью это, конечно, ни для кого не являлось, в прокуратуре были об этом прекрасно осведомлены. Но, учитывая обширные связи Лабы в высоких армейских

кабинетах, подобного рода дела по большей части спускали на тормозах.

– Так что у вас тут стряслось, Иван Тимофеевич? Удалось выяснить, почему Акимочкин в бега подался, а?

Подполковника вопрос этот врасплох не застал, он, по-видимому, ждал его и заранее подготовил ответ, который меня несколько удивил.

– А я всё думаю, почему это он раньше не сбежал? – улыбаясь, сказал подполковник.

– То есть?

– А то и есть, дорогой мой Игорь Николаевич, что за Акимочкиным этим я давненько наблюдал, беседовал с ним неоднократно и пришёл к печальному выводу, что у него тут, – подполковник повертел у виска толстым, как сарделька пальцем, – не все в порядке.

– Есть медицинское заключение? – осведомился я.

– Да какое там заключение, Игорь Николаевич, я вас умоляю! – засмеялся Лаба. – Если всем справки давать, служить бы некому было, вы ж знаете!

– Значит, медицинского заключения нет?

Подполковник лучезарно улыбнулся и развёл руки в стороны, отчего чуть не смахнул со стола стоявшую на краю небольшую лампу под зелёным стеклянным колпаком.

– Поверьте мне, Игорь Николаевич, Акимочкин – не-нор-маль-ный, – сказал он по слогам.

– Поверил бы, если бы вы, Иван Тимофеевич, были врачом... В какой кабинет вы меня определите сегодня?

– А сидите здесь, у меня вам удобней всего будет! – неожиданно предложил подполковник. Никогда прежде он не предоставлял мне свой кабинет. – У меня сегодня забот полон рот, так что расслаживаться некогда. Устраивайтесь на здоровье! А если что нужно, Валетов исполнит!

Я поблагодарил, хотя и был слегка удивлен таким щедрым вниманием со стороны подполковника.

Появление рядового Акимочкина произвело слегка комическое впечатление. Невысокий, щупленький парнишка был одет в гимнастерку, что называется, с чужого плеча, причем плеча могучего. Руками он поддерживал штаны, – носить ремень арестованным не полагалось. Ботинки на бедолаге, были тоже не по размеру, отчего при ходьбе он громко стучал каблуками, точно плохо подкованная лошадь подковами.

Он стоял передо мной безразлично-равнодушный и, повернув голову, смотрел через открытое окно куда-то вдаль. Там, за окном, убегая в высокое голубое небо, стояли стройные сосны, смеялось и манило лето...

Я отпустил ефрейтора, приконвоировавшего арестованного солдата, разрешил Акимочкину присесть. Выполнив кое-какие формальности процессуального характера, а именно: записав в протокол фамилию, имя, отчество арестованного, число, год и место его рождения, место жительства и т.п., спросил:

– Ты хоть понимаешь, что тебе грозит?

– Понимаю, – тихо ответил Акимочкин, по-прежнему глядя в окно.

– И – что?

– Тюрьма, – ответ паренька был столь же безразличен, как и его взгляд, которым он скользнул по моему лицу. Казалось, он не очень-то интересовался своей дальнейшей судьбой: что будет, то и будет. Даже когда я сообщил ему, на сколько лет может «потянуть» его самоволка, ни один мускул на измождённом чуть смуглом лице Акимочкина не дрогнул.

Такое поведение подследственного слегка удивило. Обычно солдаты, оказавшиеся в подобном положении, всеми силами стремились доказать, что побег их был мерой вынужденной, иначе «деды» могли их изувечить или даже убить. Акимочкин никого

ни в чем не винил, никаких объяснений своему поступку не давал. Сказал только, что ему очень нужно было попасть домой.

– Но ведь дома ты, насколько я знаю, так и не появился?

– Я неподалеку был.

– Почему?

– Так нужно.

И как я не старался, кроме этого «так нужно» ничего более от солдатика добиться не мог. Акимочкин замкнулся в себе и на контакт не шёл.

Я не привык пасовать перед трудностями. Наоборот, наличие их подстёгивало меня. Как это, я, уже достаточно опытный следователь и не «расколю» пацана!

– Значит, ты просил у командира отпуск?

Акимочкин кивнул стриженной головой.

– Зачем?

– Нужно было...

Странно, но упрямство этого щупленького паренька не вызывало у меня обычного в таких случаях раздражения. Более того, мне даже немного стало жаль его, захотелось понять, что творится у этого мальчика в душе, спрятанной за гимнастеркой с чужого плеча.

Отложив протокол допроса, я подсел поближе к парнишке и, превратившись из грозного следователя в доброго старшего товарища, повёл с ним душевную беседу. Потихоньку, слово за слово, паренька удалось разговорить.

– Значит, ты сбежал потому, что тебе нужно было повидать друга, так?

– Ну, да, так.

– И отпуск просил поэтому?

– Да.

Смеётся он, что ли? – подумал я, глядя в ясные серые глаза паренька. Ему захотелось повидать друга. Не получив отпуск, он убегает из расположения части... Может быть прав подполковник, этот Акимочкин и вправду ненормальный?

– Но ты ж всё-таки не на курорте загорашь, а в армии служишь. Отсюда нельзя уйти, когда захочешь. Твой друг что, не мог сам к тебе приехать, если вам так необходимо повидаться было?

– Конечно, не мог! – с некоторым удивлением ответил Акимочкин.

– Почему?

– Он же умер...

– То есть... Так ты на похороны что ли собирался?

– Нет, его ещё в прошлом году похоронили...

Ненормальный, я почти уже не сомневался в этом, тут надо экспертизу назначать и определять его в стационар на лечение. И прекращать дело!

Словно угадав, о чём я сейчас подумал, Акимочкин грустно сказал:

– Вот и вы решили, что я не в себе... Нет, я и у врача был... Он как-то назвал то, что со мной происходит, но я забыл название. Со временем это пройдет, так бывает после... – он запнулся.

– После чего?

– Коля-то не сам умер, это я убил его... – сказал Акимочкин.

Воцарилось молчание. Крестообразная тень от оконной рамы подобралась к ногам Акимочкина. Где-то неподалеку послышался молодой и задорный смех вполне довольных жизнью людей.

– Как это ты убил? За что? – спросил я, подумав, что с этим парнем не соскучишься.

– Я... это случай такой получился, несчастный. Так и на суде признали.

– Тебя судили?

– Да.

– Постой, постой. Ну-ка расскажи мне всё с самого начала. Как это произошло?

Акимочкин помолчал немного, собираясь с мыслями. Детское лицо его с прыщиками на лбу стало грустным.

– Мы с Колей на охоту пошли, мы часто вместе охотились. Утро хорошее выдалось, свежее. На траве и цветах дрожали ещё росинки, лужицы блестели, как стёклышки... Ну, идём мы, разговариваем, а когда тропинка сузилась, я вперёд пошёл, а Коля позади. А ружьё... мне бы надо было его по-другому взять, а я как нёс на плече дулом назад, так и несусь... И вдруг я споткнулся о корень, а ружьё возьми да выстрели само, я даже пальца на курке не держал. И прямо Коле в лицо заряд дробы... Он упал весь в крови, стонет, а я стою, не знаю, что делать... Ужасно, ужасно...

Бедный солдатик опустил стриженую голову, закрыл лицо руками. Я набухал в стакан минералки, оставленной Лабой, кое-как успокоил несчастного парнишку.

– Ужасно, ужасно, – повторил Акимочкин, спустя некоторое время. – Никогда себе этого не прошу... Как Колю схоронили, так он мне в ту же ночь во сне и явился... А, может, и не во сне, я очень плохо тогда понимал, что происходило... Он стоял у моей кровати и говорил... хорошо говорил, утешал. И совсем не сердился на меня, говорил даже, что ему теперь даже лучше... И потом почти каждую ночь приходил и мы с ним всё говорили и говорили... Мне Илья Кузьмич, доктор наш, сказал, что надо мне обстановку сменить, иначе со мной нехорошая болезнь приключиться может. А тут служба как раз подоспела...

Поначалу и вправду Коля забыл вроде бы обо мне. А потом, когда мне тут совсем тяжело сделалось, опять приходил. В первый раз спросил, помню, зачем же ты от меня так далеко уехал? А я, что ж, надо было, отвечаю, призвали меня... А он смотрит на меня и молчит. И вдруг вижу лицо у него всё в крови, но кровь не капает, словно застыла...

Акимочкин вздрогнул и с опаской повернул голову, когда входная дверь, находившаяся у него за спиной, скрипнула от небольшого сквознячка, гулявшего по кабинету.

– Я и здесь уже в санчасть обращался, просил каких-нибудь таблеток. Но врач сказал, что я симулянт. И всё командиру роты рассказал, а тот перед строем надо мной смеялся. Меня после этого дразнить стали: иди, говорят, на КПП, там тебя мертвец ждет... А однажды ночью слышу голос: ехай домой, приедешь, Колю живым застанешь. Не приедешь, опять убьешь его. И так – три ночи подряд... Я понимаю, что не может этого быть, но... Вот я и стал отпрашиваться домой... А остальное вы всё знаете...

Я смотрел на беззащитного, как воробышек, солдатика и жалость к нему всё глубже проникала мне в сердце. Ну, как такого в дисциплинарную часть отдавать, ведь он там и недели не продержится!

– Ты до дома-то как добирался? – спросил я, немного помолчав.

– Поездом. Проводник сжалился, взял. Хлебом накормил и с собой дал. Домой я не пошёл, знал, что там меня арестуют. Я в лесу жил, я ведь там каждый кустик знаю, каждую тропинку. А как стемнеет маленечко, я к Коле на могилку ходил, всё ему рассказывал про свою жизнь, да как без него мне плохо...

– Питался-то ты чем?

– А чем придется. Орехи, ягоды, грибы на костре жарил, суп из крапивы варил. Летом в лесу не пропадешь! У нас хорошо, вольно. Мне первое время в армии, словно воздуха не хватало. После наших просторов да за забор высокий. Туда нельзя, сюда не пойти...

А я до армии в пастухах ходил, и надо мной вся деревня смеялась. Молодой, а в пастухи подался. А я люблю одиночество, тишину. И коров люблю... А девушки у меня не было, как узнавали, что я собираюсь и после армии в пастухах остаться, так и не гуляли со мной больше...

Ни одному из своих подследственных никогда не позволял я говорить столько «зряшных», не относящихся к сути дела слов. Жестко пресекал любые попытки увести допрос в сторону. Но для Акимочкина почему-то сделал исключение. И, пока тот говорил, прикидывал, как помочь пареньку выпутаться из беды.

– Тебя здесь часто били? – спросил я, когда Акимочкин замолчал. Тот вздрогнул, посмотрел на меня испуганными глазами.

– А откуда вы знаете?

– Работа такая. Так часто?

– Часто, – признался Акимочкин и опустил голову.

– А фамилии тех, кто тебя бил ты мне назовешь?

– Нет, нет, что вы! – испугался Акимочкин. – Как можно, мне ведь тогда вообще не жить...

– Ну, эти мысли ты из головы выкинь. Никто тебе ничего не сделает, это я тебе обещаю.

Так, как, говоришь, их фамилии?

– А что вы им сделаете?

– Ты сейчас думай о себе, для тебя важно сообщить мне их фамилии, поверь мне.

– Но я не желаю им зла!

– А я хочу, чтобы зло было наказано! Мы с тобой должны доказать, что твой побег из части явился, как написано в законе, следствием стечения тяжелых обстоятельств. К таковым и относятся постоянные избиения, которым ты подвергался. В этом случае ты освобождаешься от уголовной ответственности, понимаешь? Как это сделать, это уже моя забота. Если же ты мне не назовешь фамилии твоих мучителей, получается, что ты сбежал просто так, без причины, и уже тебя надо будет судить. Ты этого хочешь?

– Нет, но... Может быть это наказание за то, что я Колю убил? – точно размышляя вслух, произнес Акимочкин.

– Час от часу не легче! – я хлопнул себя ладонью по коленке. – Да пойми ты, чужак человек, тебя оправдали, не виновен ты в его смерти!

– Но я-то сам себя не оправдал, – возразил парнишка. – Ведь я ж с детства хожу на охоту, знаю, как надо нести ружьё... Наверно, и мне пострадать надо...

И опять мне пришлось пустить в ход всё своё красноречие, чтобы убедить Акимочкина последовать моим советам.

– И главное ты подумай о своей матери. Если тебя посадят, кто о ней заботиться станет? Тем более ты сказал, что у нее здоровье не крепкое...

Паренек вынужден был признать мою правоту.

Некоторые офицеры части уже по несколько раз заглядывали в кабинет, где который час я допрашивал беглого солдата. И, видимо, были удивлены тем, что опытный

следователь так долго возиться с делом, где всё предельно просто и ясно. Я не обращал внимания на любопытствующих, собираясь продолжать допрос столько, сколько сочту нужным. Вот только одно обстоятельство слегка удивило меня, отчего это подполковник Лаба ни разу не зашёл? Обычно он не упускал возможность поприсутствовать на допросе, а тут даже не заглянул. Впрочем, тайна поступков командира части меньше всего заботила меня сейчас.

Ещё раз, проинструктировав Акимочкина, как тому дальше себя вести, я позвал конвойного. Прощаясь, Акимочкин смотрел на меня с таким выражением доверия и благодарности в глазах, что я улыбнулся и по-отечески потрепал парнишку по стриженной голове. И сказал:

– Всё будет хорошо, только слушайся меня во всём и верь.

– Я буду слушаться, я вам верю, – впервые за всё время нашего разговора улыбнулся Акимочкин. – Спасибо вам за доброту.

...Подполковник Лаба, широко улыбаясь, шёл мне навстречу. – Ну, как, убедились?

– В чём?

– Ненормальный парнишка-то, верно? – Лаба хитро подмигнул мне словно сообщнику.

– Все мы в какой-то степени ненормальные, – ответил я, чем вызвал у командира части приступ почти безудержного веселья.

Вообще, подполковник видимо пребывал в отличном расположении духа, шутил, смеялся и совсем не спрашивал, чего удалось мне добиться от беглого солдата. Это тоже немного удивило меня.

Лаба самолично проводил меня до КПП, чего раньше никогда не делал, пожелал счастливого пути.

– Когда вас теперь ждать? – пожимая мне руку, спросил подполковник.

– На днях, – ответил я, чем опять вызвал весёлую улыбку на лице командира части.

Всю дорогу до прокуратуры я думал о том, как вызволить Акимочкина из беды, и кое-что надумал.

А на следующее утро я пришел в прокуратуру, имея в голове чёткий план действий. Я был уверен, что мне удастся помочь Акимочкину. Начать я собирался с того, что...

Мои размышления прервал телефонный звонок.

– Игорь Николаевич? – я тотчас узнал голос подполковника Лабы. – Доброе утро!

– Доброе, – этот звонок был для меня, надо признаться, неожидан.

– Игорь Николаевич, вот вы мне не верили, а я как в воду глядел!

– Это насчёт чего?

– Акимочкин-то наш что учудил, паршивец, – повесился!

– Что-о-о?

– Повесился! – весело повторил подполковник.

– Спасли?

– Какой там! Утром вошли, а он холодный уже. Я ж говорил, что он ненорма...

Недослушав подполковника, я бросил на рычаг трубку. Какое-то время неподвижно сидел, глядя в одну точку, а потом встал и вышел из кабинета...

4

Что произошло в воинской части после того как я уехал, я узнал через пару дней, среди офицерского состава у меня были свои «уши». В частности лейтенант Ноздрихин, на махинации которого с дизельным топливом я в своё время закрыл глаза.

Подполковник Лаба, проводив меня, тотчас приказал вызвать к себе сержантов Уткина, Гаврилова, Федченкова и Ганиева.

Поджидая их, расхаживал вдоль стены, у которой, как по команде «смирно!», застыла полудюжина стульев. Лоснящееся от пота лицо его приняло жёсткое выражение, и откровенно злая усмешка время от времени кривила его полные губы.

Явились «деды». Дембельский настрой их чувствовался во всём: в сытых, нагловатых взглядах, ленивых походках, небрежном внешнем виде. В другое время подполковник влепил бы им суток по трое за неподшитые воротнички, например, не посмотрел бы, что они – без пяти минут дембеля. Но сейчас ему не до этого было.

«Деды» поначалу слушали подполковника вполуха, но когда поняли, куда он клонит, посерьёзнили.

– Что ж это вы, били солдата, издевались над ним всячески, и думаете, это безнаказанно вам сойдет с рук? Не-ет, Игорь Николаевич следователь строгий, он вас вместо дембеля отправит в места не столь отдаленные годика на три каждого. И правильно сделает! А то вишь, какие герои, беззащитного солдата бить! – подполковник делал вид, что очень возмущён. – Ну, вот теперь и ответите за свои художества!

– Это Акимочкин вам сам сказал? – спросил командира части один из «дедов».

– Да не мне, а следователю! Вот он вас вызовет, вот тогда вы и узнаете, почём фунт лиха! – подполковник с удовольствием отметил про себя, что его слова произвели на четверых дембелей именно тот эффект, на который он и рассчитывал.

– И как же нам быть теперь? – растеряно спросил Уткин, высокий и крепкий парень с едва заметными усиками над губой.

– Сами думайте, – пожал погонями Лаба. Он подошёл к окну и остановился, глядя вдаль.

«Дедушки» о чём-то негромко пошептались за спиной подполковника. До его слуха долетели лишь отрывки слов, по которым, впрочем, можно было понять настроение дембелей: голову оторвать... задушить падлу... Услышанное вселило в подполковника здоровый оптимизм и уверенность, что всё будет так, как он задумал.

Потом он распорядился доставить к нему Акимочкина, и в присутствии «дедов» спросил:

– Значит, говоришь, эти били тебя?

«Деды» стояли напротив несчастного паренька и в упор глядели на него глазами голодных волков, которые только и ждали команды вожака, чтобы броситься на добычу.

– Так что ж ты молчишь-то? – опять обратился командир части к Акимочкину. – Эти били тебя? Ты ведь о них указывал следователю? Игорь Николаевич мне всё передал, попросил разобраться тут с тобой.

Потом Акимочкина повели обратно на «губу»...

Рядом шли четверо «дедов», больно пинали его, давали затрещины, обещали ночью устроить ему «забег в ширину»... Когда Акимочкина заперли в сыром и тесном помещении гауптвахты, он опустил на подстилку из подгнившей соломы и заплакал.

Поразительная осведомленность подполковника, сразившая наповал бедного Акимочкина, объяснялась просто. После недавнего ремонта рядом с кабинетом командира части появилась небольшая комнатка с отдельным входом, тонкие перегородки которой позволяли отлично слышать всё то, о чём говорилось в кабинете...

Острое желание наказать мерзавца Лабу взяло верх над разумом. Что я мог вменить подполковнику? Статью о доведении до самоубийства на него не повесишь, выйдет сухим из воды. А что ещё? Ничего! Да и начальство моё было не в восторге от моих безуспешных попыток привлечь командира части к уголовной ответственности, остудив мою горячую голову словами об отсутствии причинно-следственной связи между действиями подполковника Лабы и самоубийством рядового Акимочкина. Впрочем, я и сам это отлично понимал. Просто руки чесались наказать подонка! Я мог разве что набить ему морду, но разве это наказание? И потом вопрос, кто кому набил бы морду: Лаба и я находились в разных весовых категориях.

Даже Иуда, совершивший свой подлый поступок, раскаялся и свёл счёты с жизнью, а есть люди, продолжающие жить. Как, например, подполковник Лаба. И жить неплохо!

Но все эти мои неудачные хлопоты были ничто по сравнению с тем, какие душевные муки я испытывал. Ночами, едва я закрывал глаза, отчётливо видел устремлённый на меня доверчивый, кроткий взгляд Акимочкина. И во взгляде этом не было ни упрёка, ни тем более ненависти. Он просто смотрел на меня и – всё. И я будто бы каждый раз слышал его тихий голос: я вам верю, товарищ следователь, я вам верю...

Я вскакивал с постели и комок подступал у меня к горлу. О чём думал этот несчастный солдатик, когда накинуд на себя петлю? О людской подлости, непорядочности. И таким непорядочный человеком, омерзительным подлецом в его глазах был, разумеется, я...

Мои взбрыкивания по поводу негодяя подполковника стали раздражать начальство. А я нет бы сократиться – знал ведь, что ничего не добьюсь, – всё лез на рожон, подливал масло в огонь. Неизвестно чем бы закончились мои выходки, если бы мне на помощь не пришёл Генеральный секретарь коммунистической партии товарищ Михаил Сергеевич Горбачёв. Не лично, конечно. Однако его Указ о сокращении численности армии пришёлся как нельзя кстати. Для меня, во всяком случае. Не возражало и моё непосредственное начальство даже кажется, вздохнуло с облегчением. И я демобилизовался. В никуда. О новом месте работы я заранее не беспокоился. Но был уверен, что совсем без работы не останусь. Всё-таки опыт следственной работы у меня был, хотя и специфический, армейский.

Службу я покинул без всякого сожаления, офицерские погоны были явно не для моих плеч. А вот о несчастном Акимочкине душа по-прежнему болела. С себя я не снимал вины за его смерть. Как я мог не сообразить, что и у стен есть уши! Не останься я в тот день в удобном кабинете командира части, с Акимочкиным ничего не случилось бы. Уж если я себя винил в смерти Акимочкина, то виновность Лабы была во сто крат тяжелее. Однако с него, я знал это, всё сошло, как с гуся вода, и угрызениями совести, надо полагать, он не мучился. Это ведь только в плохеньком кино бывает, что негодяя рано или поздно настигает возмездие за содеянное. Или, поняв всю низость своего поступка, он начинает раскаиваться. В жизни подлецы,

за редчайшем исключением, припеваючи живут до конца дней своих. Ну что ж, сказано ведь: Мне отмщение и Аз воздам. Только на это мне и оставалось теперь уповать.

Говорят, что резко бросать пить – штука опасная. Но и сделаться в одночасье бездельником, после того, как пропадал на работе порой до глубокой ночи, тоже дело нелёгкое. Я слонялся, как неприкаянный по квартире, вызывая серьёзную озабоченность у родителей, с парнями из нашего двора забивал «козла», выпивал понемногу. Пробовал даже читать, но раскрыв книгу, видел только фигу. И тут я вспомнил о романе Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Вот и занятие, обрадовался я! Я отлично помнил, что в романе этом, прочитанном мной ещё накануне призыва в армию, меня что-то смущало, что-то там, по моему мнению, не сходилось одно с другим. Когда, как не сейчас взяться за расследование тайны Эдвина Друда!

Желая потренировать свою память, я решил, не заглядывая в роман припомнить его фабулу. Итак, роман начинался сценой в опиумном притоне, где на грязной кровати лежали вповалку обкурившиеся люди, среди которых находилось и одно из главных действующих лиц романа старший каноник кlostергэмского собора некий Джон Джаспер. Это я помнил ясно, а вот далее моя память стала пробуксовывать. Как должны были развиваться события в романе, я помнил в общих чертах, но при любом расследовании в первую очередь важны детали. Любые, даже, казалось бы на первый взгляд, самые незначительные. А вот они-то не все угнездились в моём сознании, и поэтому роман нужно было всё-таки прочесть заново, что я и намеривался сделать, не откладывая в долгий ящик. Однако тут, говоря языком уголовного кодекса, вмешались обстоятельства непреодолимой силы. Неожиданно мне позвонил мой бывший однокурсник и сказал, что есть вакансия следователя в прокуратуре Первомайского района, то есть моего родного района! Мог ли я отказаться от такого предложения? И выходить на работу нужно было, как говорится, ещё вчера. По этой уважительной причине разгадывание тайны Эдвина Друда вновь пришлось отложить на неопределённое время.

5

Уже совсем скоро, в последний год уходящего двадцатого века, исполнится ровно десять лет с того момента, как я переступил порог Первомайской районной прокуратуры в моём родном Измайлово.

Как говорил великий артист Евгений Евстигнеев, снявшийся в небольшой роли театрального режиссёра в фильме «Берегись автомобиля» – «Кого мы только не играли в своих коллективах, лучше не вспоминать». Вот и я, слегка переиначив эти слова, мог сказать о себе: какие только дела мне не доводилось расследовать в это сумасшедшее десятилетие уходящего века! Я был благодарен судьбе, что на мою долю выпало много сложных, запутанных, но и интересных дел. Ведь когда на море штиль, хорошим матросом не станешь. Бандитские разборки, рэкет, грабежи, мошенничество, убийства стали настолько обыденным явлением, что если в уголовном деле фигурировало лишь один-два трупа, то такое дело можно было считать подарком судьбы.

Пышным цветом цвела наркомания и проституция, появилась весьма востребованная в новые времена профессия наёмного убийцы – киллера. И всё это вкуче называлось торжеством демократии. Во всяком случае, так её, демократию, то есть, понимала кремлёвская братия во главе с бывшим обкомовским работником Ельциным, ставшим президентом России.

Уголовная шушера подняла голову и заставляла страну жить не по законам, какими бы не совершенными они не были в новых условиях, а по понятиям. И что ужаснее всего многие правоохранители, и, прежде всего менты, чуть ли не с радостью соглашались на это. Тем более государство платило мало, а братки денег не жалели, платили щедро. Текучка кадров у нас в прокуратуре была огромна, мало кто готов был идти под пули или же нарваться на нож бандита. Выгоднее было попасть в касту чиновников, от желающих получить должность отбоя не было.

Из нашей прокуратуры лишь я да Серёга Барыкин никуда не дергались, никаких тёплых местечек не искали. Работали, расследовали дела. В политику мы не вмешивались, терпеть её не могли. Ни августовский путч девяносто первого года, ни тем более, октябрьские события девяносто третьего, нас не задели никак. Но если августовское противостояние, точнее, участвовавших в нём людей можно было понять – властью коммунистов все были сыты по горло, то октябрьские разборки между кликами Ельцина, с одной стороны, и Хасбулатова – Руцкого, с другой оставили равнодушными большинство вменяемых граждан страны.

Я по-прежнему жил в доме на Верхней Первомайской, куда в далёком уже 1959 году из роддома меня привезли счастливые родители. Только вот их уже со мной не было, к сожалению, они покинули земную юдоль четыре года назад, сначала мать после неизлечимой болезни, а спустя полгода не смогший жить без неё отец...

Советские зодчие, которым было поручено обустройство этого зелёного и свежего московского района – в черту Москвы Измайлово вошло только в 1935 году, – довольно часто возводили здесь П-образные жилые дома. Словно только такие дома являлись как бы их визитной карточкой. И дом, в котором проживал я, не был исключением их этого почти что правила. Говорю «почти» потому что, по крайней мере, одно исключение всё-таки имело место быть. Не ведаю уж, по каким таким причинам, исследования я не проводил, но левая планка этой буквы «П» была в четыре этажа, а правая – в пять. Однако скособоченным дом не выглядел и жильцы его никаких неудобств в связи с этим не испытывали. Почему так произошло? Старожилы, к числу которых относились и мои родители, рассказывали, что северный корпус дома стоял на некотором возвышении, а южный – в низине. Выравнивать их не стали, может и не сообразили сразу, а, сообразив, нашли выход из сложившейся ситуации путём пристройки лишнего этажа к южному корпусу. Так ли всё было на самом деле, мне доподлинно неизвестно. Я жил, впрочем, и живу донныне в пятиэтажке на третьем этаже.

Мне, как ярому болельщику футбола – глупое определение «фанат» в пору моей юности не употреблялось, – когда я смотрю на наш дом, почему-то вспоминается знаменитый правый крайний нападающий сборной Бразилии Гарринча. У этого уникального футболиста левая нога была короче правой на шесть сантиметров. Однако в игре, когда он совершал свои умопомрачительные финты, это было совершенно незаметно, а защитники панически его боялись.

В Измайлово, помимо прижившихся на его улицах П-образных домов были отстроены дома так называемой зигзагообразной формы. Я, да простят меня архитекторы, назвал бы эти дома несколько иначе: «домами лесенками». Однако это были не те лесенки, что устремлены в небо, а те, которые взяли и положили «на попа» вдоль улиц или бульваров.

Но было одно, что роднило и П- и зигзагообразные постройки. Всё они не были, как их более поздние собратья, безликими, однообразными, ничем не отличавшиеся друг от друга. На тех, прежних домах, можно было увидеть и треугольные фронтоны на крышах, арочные окна, красивые замысловатые наличники, шикарные ниши, изящные балконы, разнообразные сандрики и эркены...

А как хороши были дворики при этих домах! В центре нашего, например, окружённого невысоким каменным заборчиком, перила которого поддерживали пузатые балясины, был сооружён фонтан! Правда, бил ли он когда-либо я не помнил. А найдите сейчас в Москве хотя бы один дворик, где есть фонтан? Песочница, грибки над ними, поломанные качели и это – в лучшем случае.

Итак, как я уже упоминал, вскоре должно было исполниться десять лет с момента моей работы в прокуратуре родного района. Нынче в моём производстве было шесть уголовных дел и ещё одно, седьмое, прокурор Руслан Ефимович Нагорных подсуропил мне пару дней назад. Серёга Барыкин слёг в больницу с язвой желудка и его дела распределили среди оставшихся ещё в обойме следователей. Мне досталось дело о трупе, выловленном в Серебряно-Виноградном пруду, что опоясывал Измайловский остров.

Началось всё с того, что ловившие рыбу ребяташки углядели у берега некий старый портфель. Не решившись его открыть – вдруг там отрезанная голова, разыгралось ребячье воображение, перемешанное со страхом! – они позвали дядю милиционера. Отрезанной головы в портфеле не было, там были обнаружены тряпки с пятнами бурого цвета, электрический утюг, сапожная лапа с обломанной деревянной ручкой, осколки от бутылки тёмного стекла и размокший кусок газеты. Но уже на следующий день после этой находки в этом же пруду был обнаружен труп мужчины. Голова его сильно деформировалась, лицо распухло, волосистой покров на голове частично выпал. Возможность провести опознание трупа в таком виде практически исключалась.

Экспертиза установила, что смерть потерпевшего наступила от открытой черепно-мозговой травмы. Ему было нанесено двенадцать ушибленных ран в волосистой части головы, две в области темени, остальные – в затылочной части. Все повреждения были прижизненными и могли быть причинены тупым твёрдым предметом.

Осмотр одежды потерпевшего, который ещё успел провести Серега Барыкин, дал немного. В накладных карманах пиджака – расчёска, носовой платок, в боковом кармане газета «Вечерняя Москва», купленная, видимо в киоске: на ней не был проставлен номер квартиры. После тщательной просушки газеты удалось установить, что газета от 17 мая текущего года. А клочок газеты, который был обнаружен в выловленном из пруда портфеле, был от «Комсомольской правды», на нём удалось разобрать цифру «0». Другую цифру определить было труднее. Это могла быть верхняя часть цифр «3», «6», «9». Однако работа с «Вечёркой» помогла Барыкину получить маленькую зацепку. Как удалось установить в день выхода газеты, когда часть выпуска уже поступила в продажу, было поручено какое-то срочное сообщение о важном решении Правительства. И в связи с этим содержание и оформление первой страницы газеты срочно изменили путём частичной замены текста и размещения фотоснимков. Поэтому экземпляры этого, изменённого номера, печатавшегося после восемнадцати часов, попали в те киоски и тем подписчикам, куда не попали ранее распространённые экземпляры газеты, где не было напечатано постановление Правительства. Из этого Барыкин сделал единственно верный вывод, что преступник проживает в том районе города, где продавались эти новые экземпляры газеты и где их успели получить подписчики.

Реставрация и обработка лица трупа дали неплохие результаты. Во всяком случае, сделанную после этого фотографию потерпевшего уже можно было предъявить для опознания. Но – кому? В милицию о пропаже человека никто пока не обращался, из чего был сделан вывод, что потерпевший либо одинокий человек, либо приезжий. Если приезжий – откуда? К кому приехал? Где остановился, в гостинице или у знакомых? А возможно он вообще был в Москве проездом. На все эти вопросы ответ дать предстояло уже мне.

Не откладывая дела в долгий ящик, я набросал предварительный план дальнейшего следования. План Серёги Барыкина, с которым я, разумеется, ознакомился, был неплох. Но я предпочитал действовать по своему плану: полтора года работы помощником прокурора по надзору за милицией и почти десять лет следователем давали мне такое право.

Начал я с того, что вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, Серёга Барыкин видимо не успел это сделать. Сапожная лапа, осколки тёмного стекла от бутылки и электроутюг, обнаруженные в портфеле, вполне могли быть орудиями убийства. На это и должны были дать своё заключение эксперты. Кроме того, в этом же постановлении мною был поставлен вопрос, в каком положении находился потерпевший в момент совершения преступления и предложил исследовать, не мог ли он во время совершения преступления лежать лицом вниз, спать в такой позе, например. Эта версия возникла в связи с тем, что найденные в портфеле тряпки, как мне представлялось, вполне могли быть частью постельных принадлежностей: пододеяльника, наволочки или простыни. А вот электроутюг я намеривался осмотреть со специалистом по электроприборам. Так будет вернее и надёжнее, считал я.

6

Как-то под вечер ко мне домой заглянул сосед Митька Савельев, бывший мой одноклассник, живший в соседнем подъезде нашего дома «Гарринчи». Митька женат не был, однако очень хотел создать семью. Но ему катастрофически не везло с женщинами. Если говорить коротко, то почему-то всегда так выходило, что ему нравились те представительницы слабого пола, которым не нравился он, а он в свою очередь нравился тем, к кому он не испытывал никакой симпатии. Вот такая, как говорит наш президент Борис Николаевич, загогулина, понимаешь!

Нынче Митька получил отлуп от какой-то там очередной его пассии и вдобавок она над ним ещё и посмеялась почему-то, почему – он не сказал, хотя и пришёл ко мне поплакаться в жилетку над своей невезучестью по части женского пола. Пришёл не один, а с бутылкой беленькой.

Выпили, закусили, и Митька ожидаемо стал сетовать на свою несчастную судьбу.

– Скажи, – слёзно говорил он, слегка заплетавшимся языком: он и заявился ко мне уже слегка поддатым, – что со мной не так, почему бабы от меня шарахаются? Ну не красавец я, но ведь и не урод, а?

Я не знал, что ему ответить. Сказал банальность, что он ещё пока не встретил ту единственную и неповторимую, которая поймёт его и оценит. Так, мол, бывает, просто нужно набраться терпения и ждать.

– Мне уже под сорок, – недовольно буркнул Митька.

Я промолчал. Что я опять-таки мог ему сказать? Да и вообще он не по адресу обратился с такими вопросами. Я сам холостякую уже который год и связывать себя вновь узами брака отнюдь не тороплюсь. Да и времени нет на всякие там свидания с моей-то сумасшедшей работой. Это, во-первых. А во-вторых, я уже примерял на себя роль мужа, даже не примерял, а пребывал в ней не один год. И, как поёт Высоцкий, правда по другому поводу, «ничего там хорошего нет».

Митька ушёл грустным, каким и заявился ко мне. А я, прибрав со стола остатки прежней роскоши, встряхнул мозги, как встряхивается собака, вылезшая из воды, и постарался уснуть, да не тут-то было. Сон отлетел, словно испуганный воробышек и я поневоле вспомнил нашу первую встречу с Ириной...

Произошло это в лифте студенческого общежития МГУ, что на проспекте Вернадского. Она ехала к подруге, учившейся на моём факультете, а я к приятелю по группе на его день рождения. И уже через какой-нибудь час мы с Ириной сидели в комнате моего приятеля, выпивали за его здоровье и веселились. Связующим звеном между нами оказалась подруга Ирины и, как выяснилось, моя однокурсница по совместительству, которая тоже была приглашена на день рождения. Вот в эту Ирину, девушку с глазами цвета спелой вишни, я влюбился наповал.

Между нами всё сладилось быстро, погуляли мы меньше полугода и сыграли свадьбу, после которой я переехал к Ирине в просторную трёхкомнатную квартиру на улице Горького. И не только переехал, но и на ближайшие годы стал, по сути, её хозяином, потому что родители Ирины отправлялись в длительную заграничную командировку: отец Ирины работал в торгпредстве.

Некоторые завистники с факультета поговаривали, что это и послужило основной причиной скоропалительной женитьбы. С моей стороны, естественно. Я пропускал эти разговорчики мимо ушей, пусть мелят, что угодно. Однако никто и никогда не услышал от меня, что вот, мол, родители Ирины уедут, и я заживу в своё удовольствие в роскошной квартире. У меня и мыслей таких никогда не было.

После отъезда родителей Иры за рубеж, мы остались одни, и Ира стала тенью, эхом и отражением моим, если так можно сказать. Моя лидерская роль в семье была несомненна, невозможно было представить, чтобы Ира когда-то в чём-то со мной не согласилась.

Тем неожиданнее стало для моих сокурсников, можно даже употребить избитую фразу, как гром среди ясного неба разнеслась среди них весть о том, что вскоре после возвращения родителей Ирины из командировки, я, что называется, хлопнул дверью и ушёл, без меркантильных претензий на что-либо. Ира осталась с родителями, как будто иначе и быть не могло – и это тоже казалось неожиданным, после того, как все четыре года замужества она была настоящим моим отражением.

Злые языки говорили теперь уже иное, что это не я женился на Ирине по меркантильным соображениям, а меня самого взяли, как берут гувернёра присмотреть за ребёнком в отсутствие родителей, а когда он, гувернёр, то есть, становится не нужен – прогоняют. Говорили ещё, что у обоих – зятя и тестя – диктаторские характеры, а в доме, как известно, не может быть двух хозяев, как не может быть двух капитанов на корабле или двух медведей в одной берлоге.

А что же Ира, эта моя «тень», влюблённая в меня, как все думали, по уши? Она, к удивлению многих, и моему тоже, тотчас же выбрала сторону родителей! Почему? Об этом я поведаю чуть позже.

Вспомнился один эпизод. Был некий семейный праздник с приглашением гостей – это когда родители Иры уже вернулись, и наступил короткий период совместного с ними нашего проживания.

Все уже встали из-за стола и разошлись по квартире, и так получилось, что я оказался в компании людей родительского поколения, а не в той, где кучковались мои ровесники. И вдруг появляется Ирина и испуганно шепчет мне в ухо:

– Что ты тут с взрослыми-то стоишь? Пойдём скорее!

Услышав эти слова, я даже растерялся и ничего не мог ответить. Что значит, стоишь с взрослыми? А я-то какой? А она сама в двадцать шесть лет взрослой себя не считает? Нельзя сказать, что она до сих пор не повзрослела, но вот на фоне родителей ни себя, ни нас всех, я имею в виду наших с Ириной ровесников, взрослыми не считала и не чувствовала. Видимо с детства ею было усвоено, что взрослые они, а не она и так это в ней и сохранилось.

В этом-то наверно и была разгадка её поведения. Она была больше дочкой, чем женой. А замужняя женщина должна быть, как я считал, больше женой или уж постепенно превращаться из дочки в жену – в этом своеобразная диалектика, однако не это было главное. Пусть взрослая дочь остаётся дочерью, но уж во всяком случае, не покорной, послушной, ведомой, так сказать, а наоборот, ведущей по отношению к притязаниям родителей. Однако Ирина была рождена подчиняться, это – как призвание! – безусловно, пройдёт через всю её жизнь, и ничто никогда не будет сильнее этого призвания. Так я подумал тогда с изрядной долей разочарования.

Но она была рождена не просто подчиняться, а подчиняться бездумно, по обывательски принимая своё подчинение как должное. И от этого ей делалось легко и удобно. Потому она и подчинялась сначала отцу, потом мне, её мужу, а когда пришло время выбора – опять отцу, без всяких мук и колебаний, и не потому что сильнее была привязанность её именно к отцу, а потому что привычка повиноваться отцу была более длительная, а значит более глубокая, нежели подчинение мужу. Привычка эта отнюдь не впитанная с молоком матери, а принятая добровольно, как аксиома. Это гораздо удобнее, чем менять что-то.

Я, конечно же, пытался объяснить с ней, но когда звонил, отвечали, что её нет дома, и когда будет – неизвестно. Но один раз мы всё-таки встретились, я подкараулил Ирину у её дома. И тут случилось такое, во что верится с трудом, но так было. Ира предложила: мол, пусть нам не разрешают быть мужем и женой, но встречаться-то мы можем! Это уже было слишком даже для вечной дурочки-ребёнка, но вполне в духе рождённых предпочтений: в её представление о жизни входит, что когда взрослые отвернуться, можно и поозоровать. Вот она и предложила не быть супругами, но вдоволь похулиганить, пока никто не видит. Это была наша последняя встреча. После этого я, пытавшийся до последнего сохранить семью – я всё ещё несмотря ни на что любил девушку с глазами цвета спелой вишни, – чуть не задохнулся от абсурда и унижения.

Если я сказал, что вчерашняя дочка должна превратиться в жену, то мысль эту можно развить, добавив, что потом она должна стать матерью. Когда появится материнский инстинкт, всё другое забудется. Возможно, беда наша с Ириной именно в том и состояла, что у нас не было детей. Но когда их было заводить? Не во время же учёбы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.